

Карина Иноземцева

Жена колдуна - сама ведьма

<https://litres.ru/74345808>

Аннотация

Что люди славного народа видят, когда встречаются женщину с короткими волосами? Конечно, они понимают что это девушка из семьи колдовской. К ней можно обратиться за помощью и она излечит не только телесные раны. Духов надоедливых прогонит. Пустышку сделает, чтобы подменыша в люльку не подкинули. Обижать их нельзя - жизнью расплатишься. Так и коротает свой век вдовушка из рода тайного, сильного. Отраду лишь в дочери своей находит и за деревенскими из терема своего наблюдает. Пока не явился к ней староста и не стукнул по столу кулаком со словами "Замуж пора"! Кто же знал, что в жены ее берет колдун, силы своей неведующий

Пы. Сы: на историческую достоверность данное произведение не претендует) За обложку, большое спасибо Але Драгман

Содержание

1	4
2	12
3	19
4	28
5	35
6	45
7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ровные короткие волосы едва доставали мне до плеч, чем сильно мешали мыть полы и готовить пищу. Мне приходилось сотню раз перевязывать косынку и заправлять короткие пряди мокрыми руками.

— Последний взмах, — разогнулась я, рассматривая свой чистый терем. — Как жалко, что завтра придут и понатопчут.

Тряхнув головой я пошла проверять дочку в сенцах. Марьяша играла с деревянными кубиками и составляла пирамидки, восторгаясь тому что они вообще стоят. Ничего больше не нужно пятилетнему ребенку для счастья. Даже отца не вспоминает.

Мне для счастья тоже ничего более не нужно: кров от мужа достался, дочка послушная и вдовий статус. Не жизнь, а сказка.

С тревогой вспомнила, как мой Прохор со злобы ударил меня и сильно толкнул дочь в стену, чтобы та под ногами не мешалась. Сам он на охоту отправился, а я весь вечер прорыдала смотря на синяк на спинке дочери. Марьянка давно успокоилась и играла с моим кулоном- оберегом, а я все сокрушалась о том, что под рукой у меня ни скалки не было, ни лопаты, чтобы норы муженька утихомирить.

Через неделю лесничий принес весть, что Прохор был съе-

ден животными и кости только обглоданные остались.

Я даже не удивилась этому сообщению, потому что уже чувствовала себя свободной, не взирая на пропавшего мужа.

— Куда дорожка стелется, туда ему и путь, — бросила я горсть старых украшений в погребальное кострище.

Эти цацки мне муженек подарил, когда у отца меня сватал. А больше ничего и не было у меня огню на откуп дать. Не хату же палить, чтобы от уз с покойником откупиться.

— Ты теперь вдова, — подошел ко мне староста и строго посмотрел на меня и Марьяшу, — честь можешь не блюсти, но работу свою выполняй исправно. А коль я тебе мужа пригляжу, то так и знай, замуж выдам!

Добротный мужик лет сорока с огромными синяками под глазами пытался донести до меня что нарушений правил деревни не потерпит и спуска мне не даст, хоть я и осталась одна на хозяйстве. В тот год моей дочке едва полтора года стукнуло, поэтому она и не помнит отца.

А я стала жить в доме, который построил муж. И хозяйство я вела исправно, хоть и не имела дорогих одежей и цацек. Прохор охотой промышлял, да выделкой шкурок. Раньше во дворе вонь с самого утра стояла и кажется весь терем пропитала. После смерти, его приспособы со старостиного разрешения, мужики забрали, чтобы добро не пропадало. А мне за это силой своей богатырской помогали. Кто из города заказ мой привезет, кто с сеном поможет, а кто и просто так заглянет с гостинцем, чтобы я его приласкала.

Да, только я никого не привечала и в дом свой не пускала. За помощь продуктами платила, да их женкам помогала на огород наговорить или оберег соорудить. С меня только наговорами, да амулетами можно брать. Я - внучка колдуна и сестра колдуна. Обычно, все что я ношу сразу к оберегам причисляют, будь то платок белый или лента траурная у моих ворот. Да и волосы я теперь стригу не так часто, как меня заставлял Прохор, чтобы сила ведовская от брата ко мне не перетекала.

— Бабьей силы нет, а вот чертовщину ты знатно кличешь, — любил говорить Прохор, если я ему в супружеском долге отказывала.

Делала я это часто, да еще и на сеновал сбегала, чтоб меня не трогал. А то после его ласк мне выть хотелось, а на теле синяки оставались. До того мне больно было, что я вообще ночей боялась. А пойти и спросить в чем беда не у кого. Мать моя сразу умерла, как только жизнь колдуну - брату дала. Больше папеньке жениться в округе не дали.

— На вас, колдунов, только девок переводить, — сетовал староста и посматривал на отца строго, но с толикой жалости.

Отец и не хотел другую жену брать, поэтому свой век закончил бобылем с двумя детьми. Брат мой перед смертью отца решил в город на заработки податься. Теперь мне от него только гостинцы передают временами. Сама я один раз в город ездила, до того, как отец меня кожевнику сосватал.

Тьфу-тьфу, поплевала я через плечо и крутнулась, чтобы дурные мысли отогнать.

— Не к вечеру будет помянут покойничек, — закончила я свой бережный ритуал и понесла воду выливать во двор.

Марьянка тут же встала и, уцепившись за мою юбку, поплелась за мной. Уж очень она домашняя у меня. На руки к чужим не идет, меня одну не оставляет и в доме одна не сидит. Мне ее отдать нянчить, конечно, не кому, но в определенные моменты с ней трудно. Особенно за огородом ухаживать. Зато мне не скучно и жизнь свою я в ней вижу.

— Марьян, у нас завтра гости будут. На ярмарку приедут с семьями. Надо им постели приготовить и состряпать что-то вкусное, — я вдохнула аромат своей девочки и поцеловала ее в макушку.

В этот момент в калитку постучали.

Неужели гости решили пораньше приехать? А староста о них знает?

Обычно в свободные или вдовьи дома поселяют ярмарочный люд, чтобы купцов уважить и для деревни цены сбить. Кто с семьями приезжает тех в один терем селят, а других по домам распахивают. Ко мне обычно старого купца с двумя сыновьями селили. А те за собой по очереди жен и сестер возили, поэтому у меня в ярмарочную неделю присесть не получалось. Зато разных отрезков ткани я у них за "спасибо" считай покупала. И рада была я этой семье, как своим. Они хоть шумные и балаган в моем доме устраивают, но с ними

всегда весело и уютно. Жены у них милые барышни, а мужчины все воспитанные и на вдову не косились и под юбку не заглядывали, как некоторые местные.

Но подойдя к калитке я увидела старосту, огромный воз и двух мужчин, которые рассматривали меня.

— Добро будь, хозяйка, — привлек мое внимание староста и я с подозрением покосилась ему за спину. — Во двор пустишь или на дороге оставишь?

Я почему-то ощутила тревогу. Но не такую, чтобы схватив ребенка бросится бежать без оглядки, а какую-то сладко-тоскливую из-за которой ноги сами собой идут на зов.

Отложив таз, обтерла руки о передник и взяла Марьяну за руку, прежде чем отворить калитку незваным гостям.

Новые лица меня пугали, потому что я не имела представления зачем они именно ко мне во двор идут.

Всем известно, что насильничав над дочерью, сестрой или женой колдуна ты жизни своей лишишься. Прохор на меня и дочь руку поднял и тем самым сам подписал себе смертный приговор. А больше у меня и примеров нет, потому что к колдунам в деревне с почтением относились и вред не чинили, боясь отдачи.

— Семислава, накрой на стол, я этих молодцев тебе на постой пушу, — произнес староста и стал выжидательно на меня смотреть, будто я сейчас что-то чудить начну или гнать всех поганой метлой с проклятиями на хвосте.

Я посмотрела как оба гостя стоят за гранью моего двора

и сами дыры в мне прожигают. Знают что только с моего разрешения духи дома приютят проходимцев и шага на мою территорию не ступают.

Вот только, видела бы я этих духов и обережников, а то только их присутствие ощущаю.

— Проходите, коли с добрыми намерениями, — усмехнулась я.

Староста подобрел лицом, мужчины смело вошли во двор и спросив куда можно телегу поставить, пошли мыть руки и отмываться с дороги в купальне.

Тем временем, я была поймана старостой и оттащена к своему крыльцу.

Мужчина цепким взглядом оглядел меня, задержался на моих коротких волосах и поджал губы.

— Семислава, послушай, а потом говорить с тобой будем пока я добрый, — не забыл добавить мужчина и опять заглянул мне в глаза, желая найти что-то.

— Что-то для Веточки сделать надо? — сразу вспомнила про его младшую жену, которая после родильной горячки совсем ослабла и болела каждый месяц по несколько недель.

Мужчина отрицательно тряхнул головой.

Успокоилась.

— Вы в дом зайдите, угоститесь пирогом и чаем, — тут же я вспомнила про гостеприимство.

Усадив старосту за стол я принялась хлопотать. Дочка моя на лавку забралась, подальше от мужчины, но при этом очень

внимательно его разглядывала.

— Я вот зачем пришел, — напомнил староста. — В этом году к тебе трое сватаются.

Вздрогнула и едва не уронила кувшин на пол.

Про сватовство я впервые от старосты слышу. Он ко мне по таким вопросам не заходит и сам решает за кого невесту отдавать и кто больше откуп даст для деревни.

— А вы что? — немного испуганно посмотрела на немолодого мужичка и впервые в жизни поняла, что он уже стар для таких вещей, но сыну его только тринадцать лет и ждать приемника долго.

— Я их семьи проверил. Узнал что они тебе дать могут в своем краю. Оставил двух кандидатов и решил, что по принуждению ты быстро мужа нового со свету сживешь, а по хорошему ты можешь не согласиться, — мужчина опять посмотрел на меня. Понимает он многое и мира своей деревне хочет. — Вот, пригласил их на твой двор, — я бросила взгляд в сторону купальни и поджала губы. — Пусть на тебя, как на хозяйку посмотрят. Может, не понравится кому, как ты стряпаешь. Да и ты присмотришься пока в родных стенах находишься. Коли люб тебе кто станет, сразу мне скажи.

— А если мне ни один не понравится? — посмотрела я прямо в глаза старосте.

Тот хекнул, но взгляд вернул с троицей, еще и кулаком по столу бахнул.

— Семислава, не бабе мужа себе выбирать. Он сам дол-

жен хозяйку для своего дома углядеть, — строго отчитал меня староста. — Коли не выберешь, я сам отдам кто готов на свадьбу. Завтра же.

Поджала губы. Посмотрела на входную дверь, на дочку и ощутила как слезы сами начинают подкатывать к глазам.

— Я же вам бед не чинила, наказы все выполняла, чужих мужей за хвост не водила и сама с хозяйством управлялась. Зачем вам меня замуж выдавать?

— Ты баба ладная, да складная. Лицом погожа, рожать еще можешь, хозяйка хорошая. Горе одной в тереме сидеть, а соколу в пустом небе летать. Сойдетесь, вот и складно будет. А то мне бабы наши и без дела на тебя в уши дуют. Что дескать из-за одиночества твоего молоко у соседских коров скисает за ночь, — он посмотрел на мою рубаху расшитую солнышками, да травкой.

— Но я ведь ничего дурного не творю, — опять всхлинула я.

— Вот и сиди за спиной мужа, чтобы он тебя защищал, а не я, — махнул в мою сторону рукой этот нелюдь. — Завтра к тебе приживалок пошлю, чтобы они с хозяйством помогали.

Вот и закончился мой разговор со старостой. И выбор мне сделать дали за неделю, хотя может и меньше, ведь нужно время для свадьбы оставить.

Вдовий статус терять, ой, как не хочется. Я конечно без мужика ни крыльцо подправить не могу, ни с мукой осенью разобраться, но мне местные помогают. Я снадобья и травы собираю. Людей лечу, а они мне чем могут отдают.

Плюс еще тишина, спокойствие и экономия. Денег мне с дочкой не надо. На своем всем живем. Коровку доим, курочек с гусочками выращиваем - вот и обед.

Я и не вижу плюсов за мужиком жить. Опять ругань стоять будет. Тем более у меня уже есть дочь и попрекать меня этим будут. Особенно, если я долго рожать не захочу.

Когда на крыльце слышались шаги, я поджала губы и посмотрела на своего ребенка. Марьяшка тихо жевала пирог, который я старосте предлагала.

Так страшно мне за нее стало, что мне спрятать малышку захотелось. Но она одна спать не пойдет, со мной привыкла.

— Ну, хозяйка, встречай гостей! — громыхнул зашедший гость.

Я не успела даже придумать что делать мне с этими гостями.

В сенцах появился грузный мужик и я сразу увидела его заросшее бородой лицо и белесый шрам идущий от глаза к уху. Второй гость был более молодым и смотрел на меня, едва не кривясь.

— Зачем пришел, коли взглянуть на меня противно? — поджала я губы и постаралась разглядеть его за грузной фигурой.

— А ты на стол накрой, потом спрашивай, — гулко ответил этот парень и я едва сдержала возмущение и то, только потому что второй смотрел на меня выжидательно, явно ожидая от меня истерики или срыва.

Я взглянула на Марьяну и поняла, что та давно мне за юбку спряталась. Даже пирог свой выронила.

— Садитесь, — шикнула я и неспеша направилась на кухню.

Дочка мне едва на пятки не наступала и голову в складках платья прятала. Неужели помнила, как отец ее об стену стукнул?

Быстро выставила на стол суп, пареную репу с маслом, блинцы со сметаной и пирог, который староста лишь надломил. Управившись с этим, села за тот же стол что и мужики, правда есть не стала, а дочь на коленки положила и стала ее светлую макушку гладить.

Сама смотрела на то как мужики едят. Тот что со шрамом мне кого-то напоминал.

Был у меня случай когда я в город на ярмарку приезжала. Я тогда брата найти пыталась и заплутала случайно. Попался мне на пути человек нехороший с мыслью меня к стене прижать и ласки моей получить. Я тогда отбилась, но кулон - оберег свой потеряла. А эту вещь мне лично дедушка на

шею повесил — сильная колдовская вещь, берегущая меня во всех сферах жизни. Пошла я искать эту вещицу, прекрасно понимая, что в моих руках - это оберег, в чужих - проклятье родовое.

По ярмарке бегала, про потерю визнавала, но мне никто и ничего не говорил конкретного, пока я на мужика не натолкнулась, который "дочку колдуна" выискивал. Меня по коротким волосам легко найти можно, я одна из баб не могу длинную косу носить, а иначе силу из родственников мужчин - колдунов перетяну себе.

Так и замерли мы, нашедши друг друга.

Тот мужик широкий в плечах сильно был и выше меня на полторы головы. Я смотрела на него, аки, заяц на волка. К тому же шрам его на пол лица меня пугал. Он был похож на тех душегубов с большой дороги, которыми меня отец страдал. Но одет был прилично, чисто, без заплат.

— Колдовская дочка, ты ничего не теряла? — посмотрел он на меня и я, едва не упала от силы его голоса.

Пришлось отпрянуть. Я тогда поняла, что передо мной тоже шаман какой. Только у мужиков с силой, голос властью великой обладает. Им до определенного момента и говорить запрещается. Брат мой до семи лет "немым" считался, чтобы ненароком кого не проклясть и в рабство не взять.

— Я, батенька, — пересилила я свой страх. — Кулон обережный потеряла. Заговоренный он. В чужих руках беду принесет. Он на серебрянной цепочке, а похож на золотой

клюв птицы, — я быстро постаралась описать свою вещь, боясь что мужик вновь заговорит.

Мужчина понял мои опасения и просто кивнул головой, доставая из кармана мой кулончик. Я так сильно обрадовалась, что и про приличия забыла и про его колдовскую силу. Бросилась мужчине на шею, в щеку его поцеловала и забрав кулон, едва не танцуя побежала прочь, забыв даже спасибо сказать.

Вот сейчас передо мной сидит призрачное воспоминание из прошлого. Или не он? Вроде похож, а вроде нет.

— Яства вам по нраву? — решила я прервать молчание и продолжила играть золотыми кудрями дочери.

— Вот теперь и спрашивать можешь, — дал добро мне молодчик. — Меня Тихоном звать, я сын кузнеца и дело его продолжу.

Я осмотрела молодого, но поняла, что он выращен по всем традициям новой деревни. Жена для него - вынужденное приобретение с которым надо мирится, чтобы наследников получить. Так во всех новых деревнях с едиными храмами "складно" составляют семьи. А то что жена к примеру может не захотеть рожать в этом году и будет травки специальные пить - он не приемлет. Да и свободу жене не даст, даже чтобы она на час в лес уходила, чтобы в тишине побыть. У кузнеца, конечно, дело хорошее и в доме достаток будет, но жить я с ним буду как с Прохором. Может, хуже, раз достанусь молодому и горячему "порченной".

— Радим, — коротко произнес второй и я едва заметила, как по моему телу прошелся поток силы.

— Сквозняк у тебя, хозяйка, — тут же отреагировал Тихон и посмотрел по сторонам. — Давно стены конопатила?

— Перед зимой, — тихо выдохнула я, рассматривая пришедшего ко мне колдуна.

Он что, не знает, как силу скрыть? Он же говорит так, что других в дрожь бросает! Он может Марьяшу напугать!

— Искупала, попотчевала, сейчас спать уложу, а то утром дела делать надо, — резко встала я с лавки и напугала дочку.

Та спросонья заплакала и едва с лавки не упала. Подхватив малышку, я быстро указала мужчинам где им можно голову склонить.

Тихон смотрел на мою дочь, которая не смолкала и что-то пробурчал себе под нос. А я уже точно знала кого выберу в мужья, раз отвертеться не получится. Да и бегать от колдуна — только время зря терять. Если он захочет, то и через сто лет найдет. Вот только сила его голоса меня сильно пугает. Почему он ее повсюду разбрасывает?

Пока я одной рукой пыталась отмыть стол, дочка на моем плече притихла и даже воодушевленно засопела.

— Марьяша, может постоишь на своих ножках? — тихо спросила я у дочери.

Но та заинтересованно разглядывала человека за моей спиной.

Повернулась и встретила взглядом с Радимом. Тот буд-

то младенец, пойманный за руку, немного смутился. Оказывается, он рожицы строил моей малышке.

— А вы говорить совсем не можете? — нахмурилась я.

Не хотелось мне по его приказу в собственном тереме прыгать.

— Немного, — натуженно выдавил он.

— Сейчас, — пробубнила я и пошла во двор, прихватив небольшой холщевый мешочек для трав.

Темно, но я прекрасно помнила где у меня песок стоит, а Марьяша на плече весит и в темноту вглядывается. Собрав песок в мешочек я вернулась в светелку.

Радим в это время стол протер и посуду чистой стопкой на стол поставил. Сидел и ждал меня.

Достала нитки для вышивки и пару лент. Усадила дочку рядом и принялась вышивать и приговаривать:

— Как песок воду очищает и пропускает, так и слова Радима силу в теле оставляют, — я старалась шептать разборчиво, но очень тихо. — Слово мое - ключ. Замыкаю.

Не любят мужчины, когда я о своем родстве с колдунами вспоминаю. Это местные бабы ко мне каждое утро бегают. Кто за отваром для сил мужниных, а кто и для младенца своего куколку заговорить от подмены на откуп Мамунке и баннику.

Через полчаса я уже любовалась вышитым мешочком с песком и лентой для ношения на груди. Как полагается, каждая фигура на вышивке имела тридцать три стежка, а цве-

та подобрала под самого мужчину - те, которые на ум сразу приходят при взгляде на него. Вот и получилась у меня птичка с парой цветочков.

Подняла голову и обомлела, моя Марьяша спала на коленях колдуна, а мужчина тихонько что-то говорил ей на ушко.

— Вы ее специально усыпили? — во мне волна негодования поднялась. Ведь этот колдун приказал моей дочери уснуть! А если она завтра не проснется? И больше никогда не откроет своих глазок?

Но дочка сонно зашевелилась на чужих коленях и посмотрела на меня.

— Сказку рассказал, — выдавил из себя Радим и по моей спене мурашки побежали.

— Держите, — отдала в его руки мешочек. — Говорить сможете.

Забрав малышку, я пошла в нашу спальню.

— Спокойной ночи, — буркнула я, закрывая за собой дверь.

Утро для меня всегда начиналось позже, чем у местных хозяйшек. Когда я выходила во двор чтобы управляться, другие заходили в дом расслабленно выдыхая. Но мне не надо было собирать мужа на промысел и доить стадо коров. Поэтому я позволяла себе насладиться сном.

Но в этот день я проснулась из-за чужого недоброго взгляда.

— На столе ни крошки и воды в умывальне нет, а хозяйка спит, — прошипел Тихон и я видела, как он едва сдерживается, чтобы меня с кровати не скинуть. — Хороша хозяйка называется.

Он ни капли не ощущал раскаянья из-за того что вошел в комнату молодой девушки, хоть и вдовы.

— Сейчас все будет, — согласилась я с ним.

С такими спорить бесполезно, лишь спокойствие потеряешь. У них четко вбит храмовой уклад, где мужик - это голова и во всем всегда прав.

Он даже с места не сдвинулся, когда я намеревалась встать и одеться.

— Ты с ней, — он кивнул на проснувшуюся дочку, — всегда спишь?

Я не ответила, ожидала что он хотя бы отвернется. Но проще было голой по деревне пробежаться, чем выгнать моло-

дого из моей комнаты.

— В моей постели ее не будет, — рыкнул он, а я дернулась, как от удара.

Значит, Тихон меня уже в жены взял и свои правила устанавливает. Но я ведь еще ничего не ответила ни старосте, ни мужчинам.

— Мне жена нужна для продолжения рода, — добавил он.
— Быстрее на стол собирай, мне на ярмарку ехать.

— А Радим где? — спросила я.

— Ушел, не стал ждать нерадивую хозяйку, — хмыкнул он. — Найдет где за стол присесть, раз женку не собирается воспитывать.

Пришлось быстро собирать на стол. Тут я заметила, что Радим все-таки завтракал. Сам и тарелки нашел и томящуюся картошку с мясом, которую я поставила с вечера. Даже крынку молока нацедил с моей козы и оставил половину нетронутой.

Я почему-то улыбнулась и решила сегодня же идти к старосте. Терпеть наглого кузнеца я не хотела, а с бесконтрольным колдуном я как-нибудь уживусь. Дочери он понравился, а она у меня недотрога. Плюс, неволить не станет, ведь прекрасно понимает мою родословную. Это для местных я баба - ведьма. Для своих я слабая девка - ведунья. Сил у меня нет, да и духов я не вижу. Лишь слабый отголосок колдовства во мне есть, зато я многие обряды знаю и наговоры простые. Не зря росла в доме колдунов и отца - шамана.

После завтрака, отпустив Тихона на ярмарку, отправилась вместе с дочкой искать старосту.

Он нашелся на своем дворе. Одна из его жен бегала по саду за голопопым карапузом и ругала его за перевернутое ведро с молоком. Малец весело верещал и ничего не понимал. Слабая Ветка сидела возле мужа под теплым одеялом и улыбалась.

— Добро будь хозяин, — стукнула я по калитке, привлекая внимание.

Ветка радостно мне махнула рукой, а вот другая женщина опасливо перекрестилась и сплюнула себе под ноги.

В это время староста подошел к забору и недоверчиво оглядел меня.

— Что случилось?

— Приживалки ко мне не пришли, — сообщила я и посмотрела на мужика.

— Они к обеду обещались, — посмотрел он на солнце, показывая что еще рано.

— И Тихона я терпеть не смогу, — важно заявила я.

— Как гостя придется потерпеть, — покосился он на меня. — У меня все дома под завязку забиты. На некоторых подворьях мухе сесть некуда. Или ты уже выбрала себе жениха?

Набравшись смелости, я вступила в спор с мужиком.

— А вам зачем моя женитьба? Выйдя замуж, я уеду в дом мужа, — и тут я догадалась в чем проблема.

Терем у меня добротный, высокий, просторный. Я одна в четырех комнатах живу и на большом подворье хозяйство веду. Многим это может не понравится. Но именно такой дом затребовал мой отец от жениха Прохора. Отказался отпустить меня в холодный и маленький дом рода кожевников.

— Я все равно мужу тебя отдам. Даже без твоего желания! — строго произнес староста, а во двор так меня и не пустил, боясь что я на своем хвосте не только дочку принесла, но и чертовщину. — Выбрала Радима? — вернулся он к насущному вопросу. — Мужик он странный, да и в роду у него кого только не было. Бабка - ведьма, а когда-то прадед его великую засуху на поселение недругов напустил. Кто выжить смог, говорили не связываться с ними. Сам он плотник и на своем погосте церковь строит. — он посмотрел на меня, будто эта новость должна меня испугать.

У людей предубеждение, что все колдуны их бога единого боятся и в церковь не могут войти - гореть начинают. Но я сама прекрасно стояла перед привезенным распятием и ничего необычного не чувствовала, хотя верила в силу самой Матушки Земли и духов леса, озер и дома.

— Ну, коли, церковь строит, значит человек не плохой, — улыбнулась я.

Теперь понятно почему он свою бороду не ровняет и не ухаживает за ней. Нельзя строителям новой веры остригаться - это доказывает их силу веры новому богу.

— Значит, выбор сделан. Вот и хорошо, вот и ладно, —

покивал своим мыслям староста. — Он и сам, сегодня с утра откуп за тебя занес хороший. Сказал, что свадьбу в церкви сыграете по новым традициям, когда он ее достроит. Но нужно и деревенские традиции уважить, — он покосился на меня, будто я сейчас протестовать начну из-за "церкви и новых традиций".

Меня больше удивляло то что мужчина уже признал меня женой.

— Сам пришел? — остановила я словоизлияние старосты.

— Да, — кивнул мужчина. — Раньше он говорил странно, а сегодня ничего, — он покосился на меня. — Не ломанная речь. Будто кто его кривизну отлил.

— А Тихона когда заберете? — вернула я разговор в нужную мне сторону.

— Дня через три, когда ярмарка на спад пойдет. Раньше не могу, мест нет, — строго сообщил мне староста, не терпя возражений.

— Хорошо, но смотрите, а то может все плохо закончится, — поджала я губы. — Тихон сам убежит, а меня потом в этом не вините, — я вздернула подбородок и пошла прочь от калитки.

— Не сильно серчай на него, — услышала я за спиной смешок мужчины и сама улыбнулась.

Раз староста мне ничего не сказал, значит сам хочет проучить мальчика за что-то. Обычно он мне нормальных гостей подселяет и лишь тех кто провинился в чем-то отправляет в

помощь на мой двор. Те пугаются любого шороха и им хватаем ума ничего худого мне не делать и потом возвращаются по домам шелковые и покладистые. Я это заметила не сразу, но староста всегда находил положительные стороны в моем колдовском родстве.

— Хороший у нас староста, — тихо шепнула я дочери и вернулась к дому.

А там уже собирались невесты и смотрели в щели между перекладинами.

— Ой, ой, смотри какой! — восторженно пищали они.

Я тихо подошла к ним со спины и посмотрела что их так сильно восхищает. Встала и сама залюбовалась.

Загорелая голая спина обыденно орудовала топором и заготавливала мне дрова. Щепки летели в стороны, а мужчины даже не останавливался, продолжая лупасить по бревнам. Откуда еще дерево взял? Я ведь не просила на этой неделе чербачков. Но вот размах и широкие плечи мне понравились.

Оценила и стать и силу мужскую. А больше всего мне понравилось, что он сам догадался мне дров наколоть.

Хозяин не дать ни взять.

Пусть это будет не Тихон!

— И долго вы здесь стоите? — привлекла я всеобщее внимание к своей фигуре.

Все охалки повернулись в мою сторону. Дочка тут же спряталась в складках моей юбки. Не любит она всеобщего

внимания.

— Как только он с ярмарки вернулся, — улыбнулась одна.
— Он там бусики ясеневые продавал и гребешки резные.

— Красные, — добавила еще одна, — из дерева красного!
— восторгалась она. — Как он дерево покрасил?

Она протянула мне свой дорогой гладкий гребешок и я тоже замерла, рассматривая ее приобретение. О том что бывают красные деревья и не знала. Поэтому сама подумала, что мужик древесину покрасил, но вот чем? И так искусно, что каждый зубчик выглядел не хуже ручки.

— Заговори, Семислава, — тихо попросила невеста.

Тяжко вздохнув я положила гребень между своих рук и тихо зашептала.

— Красоты не убавь и жизненных сил дай, как солнышко пусть сияет волос Ульяны. Мое слово - замок. Запираю.

Отдала обратно гребень. Тот загадочно блеснул на солнышке и исчез в недрах девичьей юбки.

— А мы помогать пришли, — внезапно вспомнила Ульяна и улыбнулась мне.

— Хорошо, проходите, — пропустила я их в калитку и девки вперед меня проскочили во двор и радостно замерли возле шокированного мужчины.

— Это приживалки, — попыталась я сообщить гостю.

Тот постарался накинуть на себя рубаху. Я сразу заметила, что она не вышита нигде кроме запирающих отверстий. Значит, это новая одежда или у него вышивать некому.

— Сестры, дочери незамужние, — я попыталась сосватать их ему.

Вон, как они восторженно любят его потным телом. Авось, про меня он забудет и на кого из них глаз положит.

— А вы правда плотник? — взвизгнула одна и подалась вперед.

Радим сделал шаг назад и почему-то неодобрительно взглянул на меня.

— Говорят, что вы церковь строите! — Ульяна подошла к мужчине вплотную и подала ему свой рушник с пояса, чтобы он лицо обтер. — Небось, трудно вам. Но вы мастер на все руки, — она положила свою руку ему на плечо.

Я поджала губы, нахмурилась и ощутила внутри себя неприязнь, будто я уже признала колдуна своим мужем. Теперь мне неприятны любые посягательства на него. А девки век в невестах сидеть не хотят и за добрым мужиком сами пойдут коли позовет.

— Так, хватит лясы точить, — встрепелась я. — Вас помогать послали или зубоскалить? — строго воззрилась я на невест.

Ульянка от мужика отпрянула, но рушник свой не забрала. Другие девки сразу начали расходиться по своим привычным местам. Они не в первый раз помогают мне во время ярмарочной недели с гостями.

А я быстро сходила в дом и достала свое полотенце вышитое. Забрала рушник из рук мужика и пихнула ему свое.

— Пользуйся, — категорично сообщила я и посмотрела на Марьяну.

Та цеплялась за мужские штаны и смотрела на него снизу вверх с широко открытыми глазами.

Радим усмехнулся в усы и лукаво посмотрел на меня. Не сказав ни слова обтерся полотенцем и взяв валяющийся чурбачок, присел на колоду. Достал из сапога нож и принялся что-то вырезать.

— Дочка, пойдем, — позвала я малышку, но та так воодушевленно смотрела на мужские руки, что меня не слышала. — Радим, если мешаться будет, кликни меня, — сообщила я мужчине. — Мне надо наказы оставить девкам. Я быстро.

Я почти оправдывалась о том, что собираюсь дочь на него оставить. Понимаю ведь, что чужой ребенок раздражает мужика. Особенно, когда дитя цепляется и не дает дела делать.

Но Радим лишь махнул своей большой рукой, отпуская меня.

В дом я ворвалась на всех парах, пока моя малышка не наскучила Радиму. Понимала же, что пока мужику интересно он поиграет с маленькой. А потом, коли наскучит, и вред нанести может, и слово плохое сказать.

Не хочу я своей дочурке вреда чинить даже косвенного. Наперед поэтому гляжу. Стараюсь предотвратить беду, да горе.

На кухне Ульяна уже чистила картошку. Я осторожно повесила ее рушник на пояс.

— Когда-нибудь пригодится, — сообщила девице и быстро вытащила из ледника мясо.

Колодец уже начал подтаивать, но я надеялась, что до следующей зимы он полностью не потечет.

Настругав полоски, я повесила снедь обратно и побежала в огород за свежей зеленью. Проверила дочку, та все так же смотрела на летящую от чурбачка стружку и сидела тихо. Радим никак не противился ее присутствию.

Проверила, как одна из девонек носит воду и поит козу с козленком и кур с гусями. Подворье мое вести помогает. Полдень скоро. Прежде чем обедать надо скотину уважить.

Еще одна девица обнаружилась в огороде. Она притаптыкала выдернутые мной корни сорняков и проверяла грядки, чтобы солнышко успело изжарить пырей.

Краем глаза заметила, как Ульяна вынесла воды Радиму и поругала себя за то что забыла, как за мужиком ходить надо. Я напоить его после работы не догадалась.

Но ведь ему и обмыться надо перед обедом! Вот с этим я сама справлюсь.

Быстро собрала на стол, достала соленьев и вареньев. Приготовила все для принятия гостя, а сама пошла за водой, чтобы дать мужику обмыться.

Радим уже стоял у заполненной бочки и вытирался моим полотенцем. Рядом находился Тихон и принимал мыло из заботливых рук одной из девочек.

— Спасибо за то что воды натащить помогли, — краснела девонька. — Здешняя хозяйка не пугает вас?

Она искала тему для разговора и брякнула первое, что пришло на ум. Ладно, пусть балакает. А я найду чистые рубахи мужа и отдам молодцам, пусть пользуются.

Вышла с чистой одежей и услышала, как кто-то хрипит. Испугалась, бросилась к бочке.

Передо мной появилась белая, как снег девица.

— Там, — замахала она руками и пискляво всхлипнула.

Подбежала к месту действия и обомлела.

Под моими ногами лежал и сипел Тихон. Я отдала рубахи девке, а сама положила руки на мужскую грудь.

Нет, здесь все в порядке, а вот адамово яблоко повреждено.

Потянула свои крохи силы из волос и ощутила отклик си-

лы брата. Горячей волной обожгла его мощь, но я старательно процеживала полученный поток, ища живительные крупицы. Когда мои руки почти горели в силе брата, я с шипением отвела их в сторону от мужчины.

Все предплечие и руки мои были красными, будто я их из кипятка достала.

— Что случилось? — вставая, я осмотрела здоровенного Радима и прищурилась.

— Тихон сказал, что вы его утром соблазняли, но он не поддался, — тихо всхлипнула за моей спиной девушка. — И вашу ночную рубашку описал, — еще один всхлип и осторожный взгляд на спину Радима. — Не понравилось это второму.

— Моя жена, — встал Тихон с земли и все еще сиплым голосом, произнес: — не должна дьявольской силой пользоваться. Битой ходить будет.

Успела заметить как ко мне приближается его кулак. Замерла, не имея возможности увернуться. Лишь глаза успела закрыть, чтобы ужаса этого не видеть.

Но удара не последовало. Лишь девичий визг и теплое мокрое тело, которое меня собой закрыло.

Открыв глаза я увидела, как Радим сжал кулак Тихона.

— Уходи тогда, — произнес невозмутимо молодец и вывернул руку кузнеца.

Тихон запищал и ладонь свою вырвал из чужого плена. Крикнув, что батюшка такую заразу, как я, должен изгонять.

Он вылетел в калитку и бросился куда-то бежать.

Я дрожала всем телом от промелькнувшей картинки. Если бы не близость Радима, то я бы от бессилия на землю Матушку упала. Так ноги дрожали от ужаса перенесенного, что сердечко к горлу подскакивало. Тепло мужского тела было мне опорой. Кольцо горячих рук - моим прибежищем. Мерное дыхание над головой - моим воздухом. Спокойно мне стало. Не боязно. Будто силу молодца в себя приняла и ею напилась.

В стороне заплакал ребенок. Выпутавшись из мужских рук, я бросилась к Марьяше и прижала ее к своей груди.

В руках дочки была деревянная лошадка. Вот почему малышка с таким интересом наблюдала за работой Радима. Искусственный плотник, ничего не скажешь. Знает, как малыша уважить и как к сердцу женскому подобраться.

Прибежала Ульяна с коромыслом на плече и девицы: одна со скалкой, другая со сковородкой.

Увидев эту картину, Радим весело хмыкнул и его улыбка дала мне еще больше уверенности, чем вид воинственных девочек.

— В нашем селе невест бить не принято, — подняла я дочь на руки и улыбнулась. — Бабы тогда самосуд могут устроить и правы будут. А я хоть и вдова, но имею право на защиту старосты.

Девчонки приуныли, ведь им не придется применять свою силушку. Кузнец сбежал от праведного гнева.

— А за жен? — хитрый взгляд мужчины меня заставил покраснеть.

— Муж отвечает и защищает, — произнесла Ульяна. — Соседи не имеют права вмешиваться.

— Даже, если он сам на жену с кулаками идет, — буркнула я и прошла в терем.

Как-то незаметно на кухне стало очень тепло, когда на лавку рядом со мной присел немногословный Радим. Тарелки уже стояли на столе, а в чугунках пах горячий обед. Горлицы быстро расселись по местам и Ульянка сложила руки перед собой для молитвы.

Новая вера - новые законы. Но я успела уже познакомиться с этим поветрием. Неплохо выучила новые традиции, ведь они максимально приближены к нашей славянской культуре.

Мы новую веру берем, но старых богов боимся. Люди сами пытаются уважить тех кого из наших умов стараются вытравить.

Повторила за девицей и зашептала всем известную молитву:

— Спасибо, Господи, за хлеб наш насущный и еду что ты нам даешь. Аминь. Аминь. Аминь.

Открыла глаза и увидела, как Радим тоже размыкает руки после молитвы и почему-то улыбнулась.

Он такой же как и я. Верит в духов земли и при этом не против нового бога.

А какая разница кому молиться, если нам это не мешает

и сил наших не убавляет? Мы все так же будем бояться Полуденницы и заговаривать кукол от подмены. Людям будут этот страх замещать другими "бесами". Если раньше боялись леших, кикимор и русалок, то теперь народу будет "видеться" чертовщина.

— Первый ломоть, — молодая девушка подала каравай мужчине и тут же отдернула его, смотря на меня.

Первый ломоть хлеба делает хозяин дома. Если это произойдет в моем доме и при мне, то я сама покажу свое расположение этому мужчине. Обычно так невеста дает добро на ухаживания жениха. Но сейчас не я это предложила, а другая девица... в моем доме.

— Первый ломоть, — кивнула я торопыге - невесте, давая ей добро на "приставание" к мужчине.

Пусть забирают мужика, раз по сердцу пришелся. А мне вдовый статус больше нравится, чем замужний.

Радим хороший человек. Работы не боится. Жену в обиду не даст. К детям добр и обходителен.

Но Радим не взял ни кусочка и просто склонился над тарелкой с толченой картошкой и рагу. Зелеными огурчиками хрустел и квашенной капусткой закусывал.

Девушка, ничего не получив в ответ, поставила каравай на стол.

Эээ, его так никто есть не будет! Пока первый кусь не будет сделан хозяином.

Я зря что ли закваску делала целые сутки? И хлеб у меня

получился пышный, да мягкий.

Жалко.

Взяла каравай в руки, делая надлом. Но его из моих рук тут же забрали. Открыв рот посмотрела на хама Радима и увидела как он отламывает "первый ломоть", давая всем девушкам понять за кем он будет ухаживать. Разломав каравай он выложил куски на тарелку и так же бодро заработал ложкой.

Вот и все. Мужик все "сказал" и местные девицы сокрушенно опустили головы. Ульянка почему-то только повеселела и посмотрела на меня с доброй улыбкой.

Марьяша макала кусочки хлеба в мясной бульон и сладко причмокивала, высасывая его. Весь измазанный ребенок был счастлив и прекрасно чувствовал себя, сидя за одним столом с "большими и незнакомыми людьми".

В моей груди отчего тепло стало, а на душе радостно. Будто так всегда должно быть. Никаких поторапливаний и беготни около печки, а спокойный прием пищи вместе со всеми.

Идилия продолжилась недолго. В конце трапезы в дом постучали, а потом вошел староста. За его спиной мелькала фигура Тихона.

Я быстро встала с лавки, ожидая как меня будет отчитывать отец деревни. Но рядом со мной возник гиганский силуэт. Радим грозно воззрился на вошедшего и пронзил взглядом Тихона. Рука мужчины легла на мое плечо. Мне была подарена успокаивающая улыбка.

Я присела на лавку, а мужчина вывел пришедших во двор. У меня уши чесались послушать что там происходит. Но не у одной меня. Девки тоже с вождением смотрели на запертую дверь. Только в моем присутствии, они не смели подслушивать, сидели как мышки и глазками в меня стреляли.

— Хозяйка! — услышала я голос старосты через некоторое время.

Я встрепенулась. Взлетела над лавкой и быстро вышла во двор.

Недовольный Тихон, поджав губы, пронзил меня злобным взглядом. Невозмутимый столяр харизмой прибавал молодого к земле, тот даже неестественно горбился. Староста старался сохранять спокойствие в данной ситуации.

— Семислава, я рад что у тебя с женихом все ладно складывается, но ты пока не жена Радиму и дом твой пустым я

не могу пока оставить. Тихон останется в гостях покуда дела на ярмарке не закончит. Гостя привечают, поняла меня?

Я кивнула, понимая, что мне этого кузнеца кормить следует и обмывать. Неизвестно к чему мужчины пришли, но содержание "гостя" остается в силе.

— И пока ты вдовий статус на замужний не сменила, помни о том что кровать твоя свободна от мужчин должна быть, — строго перевел он взгляд с меня на Радима.

Я как-то неосознанно отшатнулась от мужика и вся мурашками от страха покрылась. По всем законам мне придется супружеский долг выполнять со столяром. Жену для детей берут, а я боюсь. Помню как мне постоянно больно было и как Прохор чисто механически всю процедуру исполнял, а я потом плакала пока не усну.

Зато я была рада беременности, потому что повитуха запретила меня трогать "пока святой дух в теле земном не укрепиться".

Только вот взгляд Тихона мне совсем не нравился. Липкий, противный будто он что недоброе задумал. Бесы в его глазах пляшут.

Надо осторожный ритуал провести. Духов о защите усиленной попросить.

— Ну, здравы будьте, — тяжело вздохнул староста и подтолкнул Тихона к крыльцу. — Гостя покормите.

Я хотела выйти вперед и открыть дверь "дорогому гостю". Но меня загородила широкая спина. Пришлось Тихону са-

мому двери себе отворять.

А там девочки в сенцах стоят и пыль невидимую вытирают. Они прекрасно делали вид, что им не был интересен наш разговор, но увидев гостя дорогого, звонко засмеялись.

— Деревня где бабы счастливы - хорошая деревня, — ухмыльнулся мой жених.

А я удивилась его многословию.

Увидела, как Ульяна увлекает дочку игрой с лошадкой. Та подпускает к себе незнакомую тетю. Девочки бросились привечать Тихона, а Ульяна взглянула на Радима и меня и улыбнулась.

— А куда вы нашу Семиславу повезете? — ох, и любопытная девица растет.

— Кондрашовка, — опять немногословный и односложный ответ.

У девицы глаза заблестели, а на лице такое сияние появилось, что я заподозрила ее в неладных намерениях.

— Староста недалеко должен был уйти, — пробормотала она и отдала игрушку Марьяне. — Можно отойти? — она посмотрела на Радима и, когда тот кивнул, бросилась прочь из дома. Я увидела в окно, как она бегом пересекает двор и вылетает за калитку.

— В содержанки идет просится к нам, — прошептала и посмотрела на Радима.

Проигнорировала взбешенный взгляд кушающего гостя. Жених вопросительно на меня посмотрел и прищурился.

А я вот поняла его молчаливый вопрос подседа к мужчине ближе, чтобы любители подслушать куском не подавились.

— Она от жениха отказалась, — зашептала я куда-то в плечо мужчины.

Тот склонился и я ощутила как щекотит его борода мою щеку. Хи-хи, забавно.

— Она знала, что тот на кулаки охочь и свадьбу расторгла. Ленту ему перерезать не дала. Ножницы тупые подсунула. Теперь ее никто замуж брать не хочет, говорят что слишком норовистая лошадка.

Радим повернулся ко мне так что наши глаза теперь были на одном уровне и я ощущала тепло его дыхания своим носом. Странное единение и ощущение близости родного мне человека накатило на меня. Будто всю жизнь с Радимом под одной крышей живу и столько же прожить желаю. Теплом по сердцу разлился его взгляд.

В тоже время он вновь будто спрашивал у меня зачем нам такая непокладистая приживалка.

— Она на содержание у своей сестры ходит. Там ее служкой своей сделали, но она очень рукастая. И ничего не боится. Даже со мной всегда общалась и здоровалась, а не плевала через плечо. А я тоже свободолюбивая и вдовый статус распробовала, — важно сообщила я и услышала тихий смехок от мужчины. — Тебе, конечно, думать надо - нужна она в твоём доме или нет. Но в округе ее никто уж точно в жены не возьмет. А Кондрашовка далеко, так что я даже не знаю

где она находится. Может, ей там жених найдется, — пожала я плечами.

Ульянка девка хорошая и смелая. Она всегда в открытую у меня просила наговор. Не боялась злых языков и приходила в мой дом не под покровом ночи. Веселила меня местными сплетнями и была жизнерадостной девушкой.

Я была не против знакомого лица на чужой стороне. Ульяна в этом смысле меня устраивала. Поняв что Радим ей не под силу, она теперь найдет другую цель для дружбы. А мне будет приятна ее компания.

Конечно, если хозяин захочет брать в свой дом лишний голодный рот.

Я посмотрела на Радима, но тот следил за Тихоном и кажется забыл про Ульяну.

Девочки вновь разбежались кто куда. Я же решила что мне не нравится просыпаться под чужое недовольное бухтение. Поэтому распустив всех по делам, я оставила Тихона и Радима наедине. Не хочу лезть между мужиками - еще получу чей-то кулак в нос. Пусть сами выясняют чей хвост длинее.

Забрав дочь, я пошла в лес за травками, да ягодками. Медленным шагом я брела мимо стволов деревьев чтобы Марьяша успевала за мной. Та отвлекалась на фигурку лошади в своих руках и пыталась скакать ей по валежнику.

Улыбаясь, я радовалась что моей доченьке новый отец по душе пришелся. Я же с содроганием представляла свое будущее. Боялась что мне, как и многим женам едва не каждый

год рожать придется. У многих мужиков - вон по семь детей минимум от одной жены. У старосты нашего двенадцать де-тишек от двух жен. Ветка только четырех родила и уже вы-сохла, обессилила, на ноги без помощи встать не может. Я сама отчетливо помню, как мучилась родами и как повитуха говорила, что дитя мертвым может родиться.

Посмотрела на светлые волосенки дочки и улыбнулась. У колдунов первенец должен быть мальчиком, чтобы сила бес-прирывно текла, тогда семья счастливая будет. А вот у до-черей или сестер колдунов должна быть девочка тогда ба-ланс будет соблюден в семье. Еже ли и там и там мальчик, то выживет тот, кого сила "не выжжет". Обычно это сын само-го колдуна. Еже ли девочки у обоих, то похоронный костер устроит брат.

Мне повезло. Я девочку первенца родила, значит после-дующие роды легкими будут и пол ребеночка ни на что не повлияет.

Найдя полянку с земляникой, я посадила малышку на пе-редник и принялась собирать ягоду. Потом быстро сорвала с орешника прутик ободрала его, улыбаясь. Поклонилась ду-хам леса, спасибо за помощь сказала. Что полянку указали и ореховый прутик дали сорвать.

Когда вернулась домой все уже к ужину готовились.

Быстро обмыв в купальне и себя, и ребенка я пошла по-могать на кухне. Девочки уже и за скотиной поухаживали и огород мой полили. Они тихо переговаривались, создавая

новые сплетни.

Оказалось что Тихон из своей комнаты с обеда не выходил, а огород поливал Радим и воду для купальни он носил. А потом, взяв что-то со своего обоза, он запряг коня и уехал.

Похвалив девочек, я прошла в свою комнату. Сжав ореховый прутик в руках, я зашептала:

— Все, что мне пожелал, тебе возвращаю. Свою судьбу счастливую назад возвращаю. Зло забирай, добро возвращай. Слово мое - ключ. Замыкаю.

Прутик в щель порога положила. Теперь мне спать будет безопаснее. А утренних гостей не предвидится.

Вечером в моей светелке стало многолюдно. Все собрались ужинать. Тихон вышел из комнаты, а Радим вернулся домой. Все искупались, переоделись и теперь сидели за одним большим столом.

Я как хозяйка, по кухне с горшочками летала и тушеной капустой с рыбой всех угощала. Опять же каравай на стол поставила и замерла в ожидании, если кому-то что-то понадобится. Морс на стол выставила, а девочкам чай с земляникой.

Тихон есть боялся, но от морса и рыбы не отказался. Все время на меня изподлобья смотрел и ждал, когда я чертей своих звать начну.

Не дождался и накинулся на блины со сметаной.

Радим же усадил меня рядом. Я подала ему хлеб, а он привычным жестом разделил его на всех. Марьяна на столе лишь

сметану, да хлеб заприметила, поэтому радостно орудовала ложкой в своей тарелке и слизывала сметану с губ.

Мне было непривычно сидеть возле мужчины во время трапезы. Прохор меня под конец обеда за стол сажал. Когда сам наедался. Да не рядом сидел, а отодвигался.

Сейчас же я сидела наравне с хозяином и не дергалась от приказов "подай, принеси". Мужчина сам все брал что ему нужно и ел, что было поставлено на стол. Тихон попытался попросить, чтобы я с другого конца ему протвинь с рыбой подала, но Радим меня за руку схватил и не дал этого сделать. Мужчина посмотрел на девочку, которая сидела около рыбы и та быстро пододвинула ее просящему.

Мне даже понравилось это. А руку жених так и не отпустил после этого. Держал крепко под столом, скрыв от всех нашу близость. Но я все равно, как девица на выданье краской заливалась и дрожала. Ласковый колдун оказался. Не наглый и спесивый, не выдумщик на слова охочий. Тихий, но уверенный хозяин.

Правой рукой хлеб держала, а левой мужнину руку. Сидела за одним столом, наравне с мужем и кушала "не на ходу". Для меня такие обычаи впервой, но мне это нравится.

Вечером я прижималась к своему ребенку и сладко жмурилась. Если не брать в расчет, что мне придется спать с мужем, то моя жизнь в замужестве будет не такой горькой, как при Прохоре.

Такое теплое предчувствие в груди разливалось, буд-то

рядом с колдуном я на солнышке греюсь. Хорошо моей душе в тени спины Радима. Спокойно.

Может Радим красуется и привлекает мое внимание к себе?

Утром я встала в свое привычное время. Радима в доме не было. Он как и вчера - ушел на ярмарку и вернется к обеду. А вот Тихон нашелся за обеденным пустым столом и едва не плакал смотря на тонкие крастные полосы на своем теле.

Я незаметно улыбнулась.

Все-таки отходил мой ореховый прутик дорогого гостя за недобрые намерения и ночной визит в мою спальню.

Поделом ему. Будет знать как недовольство свое в доме сестры колдуна выказывать.

Завидев меня, Тихон взметнулся со своего места и громко крикнул:

— Уезжаю я из этой деревни. Здесь с дьяволицей якшаются. А она чертей на гостей насылает!

— Пусть дорожка перед тобой стелется, — улыбнулась я.

Мужчина быстро собрал свои пожитки и вышел за калитку. В окно увидела, как он три раза плюнул через плечо и три раза покрутился, будто рисуя защитный круг. Испугался, что "чертей" из моего дома в свой приведет. Но не в бесах дело, а в самом человеке и его намерениях. Прутик бы пропустил Тихона в мою комнату, коли бы у того мысли были светлые. Радима ведь пустил.

Утром на своей подушке я обнаружила три василька. Кол-

дун тихо вошел, оставил подарок и так же спокойно ушел.
Не потревожив ни меня ни дочку.

Смущенно улыбнулась, тронув васельки в своих волосах.

— Сам ушел ваш Тихон, — отчиталась я старосте.

Тот прищурился, разглядывая меня, и улыбнулся. Неужели заметил, что я постаралась нарядиться получше? Даже янтарные бусики достала и браслеты.

Ну и пусть смотрит. Сам меня в невесты записал. Вдовой я старалась не привлекать к себе внимание, но теперь у меня даже повод появился цацками сверкнуть.

— Надеюсь, неприятностей он чинить не станет нашей деревне.

Я пожала плечами. Чего не знаю, того не знаю.

— Иди во двор, чего покажу, — внезапно поманил меня староста.

Я вошла в калитку. Из избы, держась за стену выползла Вета. Она мне рукой помахала и улыбнулась.

Я ей ответила, а Хозяину терема поясно поклонилась, чтобы показать духам дома свое расположение старосте.

Мужик меня к сеновалу повел и указал на знакомый мне обоз столяра.

— Вчера выкуп за тебя принес, подарок старшему, — довольно заговорил мужчина.

Я поняла. У меня ни отца, ни брата - нет, поэтому мой старший - это староста. Раз он улыбается, значит доволен подарком жениха. Вот только, все настолько быстро происхо-

дит, что я едва успеваю новость за новостью воспринимать.

— А сегодня приданное твое привез. Смотри какой воз большой, — я смотрела на телегу и хмурилась.

Страшно мне новую жизнь в замужестве начинать.

— Как твой старший, приказываю тебе сверток крайний взять и к завтрашней свадьбе готовиться, — я вздрогнула и уставилась на мужчину. — Яства уже мои женки начали собирать, за это не сильно переживай, — неправильно растолковал он мой испуг. — Раз Тихон ушел, то можно поторопиться, раз жених такой нетерпеливый.

Меня холодом обдало, а внутри все задрожало. Так скоро снова замуж. Снова терпеть липкие поцелуи и мокрые приставания ради зачатия детишек.

— Весь обоз тебе достанется, да со двора живность какую можешь взять. Из дома только личные вещи. Посуда здесь новая, — он мотнул бородой в сторону повозки. — Мебель кой какая, но он сказал, что в его доме все есть. Только свои тряпки и собирай, а то места нет везти все.

Я склонила голову, поникла плечами и вжалась в мягкий сверток всем телом. У меня на лице страх был написан.

— Чего встала? — тронул меня староста. — Иди. Соберайся. Завтра свадьбу справим, а то молодец торопиться домой уехать.

Тут мужчина замер будто что-то вспомнил. И хитро на меня посмотрел.

— Радим к семье Ульянки пошел тоже с откупом. Пока бе-

рет ее содержанкой в помощь молодой жене, но она же приткая. Смотри, а то она раньше тебя понесет и женой его тоже станет, — слова старосты вернули меня из нерадостных воспоминаний.

Хотелось бросить в лицо мужику, что Ульянка столяру больше подходит, пусть ее и забирает, а меня с миром оставит. Но не смогла. Смолчала. Вспомнила, как мы вчера за столом сидели и как тепло мне было от его присутствия.

— А терем мой кому отойдет? — строго спросила мужика и тот быстро погасил свое раздражение.

Не должна я - женщина о таких мужских вещах знать. Тем более, что староста имеет полное право пустыми домами распоряжаться.

Но он будто вспомнил чья я сестра и кто мой дед.

— У бабки Лады в хибарке семья живет с пятью детишками. Девки к тебе в служки постоянно ходят. А парни по деревне помогают, чтобы за чужим столом брюхо набить.

Я задумалась, вспоминая семью. Отец там без одной руки, но как-то на сенокосе умудряется работать. Плюс семья за бабушкой дохаживает и ее без хлеба не оставляет, хотя сами по чужим дворам детей отправляют, чтобы их за помощь кормили.

— Хорошая семья, — кивнула я.

Помогу им наговорами своими. Весь терем на достаток и тепло в семье зачарую. Девочки, тем более, правда хорошие. Мне вон вчера за хозяйством присмотреть помогли.

— Сегодня девочек вместе с Ульянкой ко мне пришлите,
— попросила я старосту.

— Сами придут, — усмехнулся тот. — Не в первый раз около тебя кружатся, — улыбка мужчины была доброй и светлой.

Я даже залюбовалась. Хороший у меня старший. Почти, как отец родной.

Действительно, стоило мне подойти к калитке, как меня встретили две девичьих мордашки. Чистенькие, опрятные девицы, хоть и ткань платьев выцветшая, застиранная, а из вышивки только обереги по запирательным отверстиям.

— Пошли к свадьбе готовиться, — поманила я их. — Вещи перебрать поможете.

Девочки переглянулись и сияющими глазами оглядели меня.

— Слухи не врани? — зашептала одна.

— Церковник за вами приехал? — радостно взвизгнула вторая. — Мы на свадьбе побываем?

Я махнула головой.

Понимаю их счастье. Бедных стараются на свадьбу не приглашать — на себя счастье могут перетянуть. Им подавали яства за калиткой, как знак откупа от беды.

Станный современный люд. В бога единого верят, а от духов бедствий откупаются.

Ульянка нашлась рядом с Марьяной. Девочка была счастлива, а увидев меня бросилась ко мне на руки. Обняв и по-

целовав дочь, я посмотрела на приживалку.

— Ну, что? Тебя сестра отпустила?

— Еще как! — взвилась девушка. — Столяр резной сундучок с монетками и бусами подарил. Федер сразу и рукой махнул, отправив меня вещи собирать.

Только тут я заметила узел в углу комнаты. Быстро девка собралась в дорогу.

— В сенцы поставь, чтобы глаза не мозолил, — отправила я девушку.

Сама посмотрела на двух притихших девочек.

— Стаскивайте все тряпки в сени. Я там их разберу и кое что вашей семье оставлю. Посуду уже оставляю. Куриц и гусей тоже. За огород тоже спрашивать не буду.

Девочки недоуменно переглянулись.

— Посуду? Огород? — они явно о намерениях старосты не знали.

— Терем вашей семье оставят, но только после моего выезда из деревни, — строго произнесла я.

У девочек глаза загорелись. Они стали оглядываться и смотреть на мой дом уже по другому.

— За работу. Быстро! — строго произнесла я. Девочки бросились в рассыпную по комнатам. — Мне тоже надо заняться чем-то, — тихо шепнула я.

Возле меня Ульяна появилась. Она заглянула мне в лицо и поджала губы.

— Терем не жалко?

— Жалко, — призналась я. — Мне вдовой хорошо в нем жилось. Но меня ждет другой угол и там все уже есть.

Положила сверток на лавку и уронила голову на ладони.

Мне не хочется уезжать из деревни. Я здесь ко всем привыкла. Люди ко мне тоже хорошо относились, с уважением. А вдруг, в Кандрашовке таких как я презирают? Чинить беды станут, травить мою дочь. Я взглянула на девочку и поджала губы. Если что с моим ребенком сделают, я же разозлюсь. Не сдержусь и проклятья нашлю.

В это время Ульяна заинтересованно попрыгала возле свертка и натуженно засопела, ожидая от меня действий.

Тяжко вздохнув, я развернула тряпицу.

Ооооxxx!

Платье! Полностью белое! А вышивка серебриться на солнечном свету! И нет ни сантиметра свободной ткани, так что кажется будто платье сверкает как звезды в ночи!

— Прямо по тебе! — восхищенно воскликнула девушка. — Будто за знакомой невестой ехал. И откуп готов, и приданное, и платье. Точно женится собирался.

Я отвернулась.

Может, ему как колдуну вещий сон приснился, поэтому он подготовленный?

Если он по сну за мной пришел, значит все у нас должно быть хорошо. Надеюсь.

— За работу, — прикрикнула я и прижала платье к себе. Бог с тобой, Радим, посмотрим как уживаться вместе бу-

дем. Обижать меня нельзя, а за дочку я и сама готова стать
упырихой.

Вечером вернулся хозяин с ярмарки и сразу натолкнулся на целую гору узелков. Даже я понимала, что нам нужна вторая телега. Но мне было жалко расставаться с нажитым имуществом. К тому же я не знала, что есть в моем новом доме.

— Все? — бровь мужчины приподнялась.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.